

**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ДИСКУССИИ О НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКОВОМ СТАНДАРТЕ
В СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ГЕРМАНИСТИКЕ**

© Г. Ф. Поздерова

*Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.*

Тел.: +7 (347) 272 35 62.

Email: GFPozderova@yandex.ru

В данной статье отражены некоторые аспекты современной дискуссии о немецком языковом стандарте в современной зарубежной германистике. Важной чертой этой дискуссии является наличие полярных точек зрения на понятие «языковой стандарт» и неоднозначная оценка степени стандартизации немецкого языка и его генезис. Причины описываемой ситуации автор подразделяет на две группы: с одной стороны, социолингвистического характера, а с другой – обусловленные сменой научной парадигмы в языкознании. В первом случае это касается сложной языковой ситуации в немецкоязычном ареале, которая характеризуется высокой степенью вариативности и высокой скоростью динамики наблюдаемых здесь процессов стандартизации и дестандартизации. Стремление осмыслить новую языковую ситуацию ставит германистику перед рядом проблем теоретического и эмпирического характера и необходимостью ревизии традиционных взглядов на современный немецкий языковой стандарт.

Ключевые слова: *немецкий язык, диатопия, диастратия, разновидности немецкого языка, языковой стандарт, национальные варианты немецкого языка.*

В современной зарубежной германистике вопрос о немецком языковом стандарте – его сущности, границах, восприятии, необходимости и т.д. – получил в последние годы особую остроту. Причиной этого явились, на наш взгляд, два комплекса взаимообусловленных факторов. С одной стороны, социолингвистические, с другой, связанные с развитием науки в целом и науки о языке в частности. С социолингвистической точки зрения, языковая ситуация в немецкоязычном ареале характеризуется высокой степенью негетогенности, наличием противоположных тенденций конвергенции и дивергенции. В плане смены научной парадигмы релевантными нам представляются два следующих момента: во-первых, отказ от взгляда на немецкий язык как на моноцентрический не только в плане его генезиса, но и его современного состояния, и, во-вторых – переход от прескриптивности к дескриптивности в кодифицирующих источниках. Рассмотрим эти факторы и последствия, которые они имеют для развития дискуссии о стандартной разновидности немецкого языка.

Для того чтобы лучше представить себе современную языковую ситуацию и место литературного немецкого языка в территориально-функциональной парадигме немецкого языка, остановимся вкратце на генезисе стандартной разновидности, что также представляет собой определенную проблему. Долгое время в германистике доминирующим было представление о моноцентрическом происхождении литературного немецкого языка, в основе которого лежит восточно-средне-немецкий вариант. Сам процесс стандартизации немецкого языка проходил под эгидой создания единого языка, которую питали идеи о национальном единстве и телеологичности процессов языковых изменений. Начало этого процесса, которое сегодня большинство германистов относит к XVI в., связано с новым восприятием языка, его «национально-культурной и даже патриотической инструментализацией» [1, с. 50]. Становление единого литературного языка проходило в борьбе различных тенденций, но определенную цезуру в развитии здесь представляет середина XVII в., знаменуя собой перелом в этой борьбе, в результате чего, как отмечает В. Беш, «региональная максима» аннулируется в пользу единого надрегионального варианта – «трансрегиональной максимы», что в значительной степени стимулировалось такими факторами,

как отказ от латыни, интенсивные межрегиональные коммуникативные процессы, а также пример национальной языковой консолидации в соседних европейских государствах [2, с. 23]. Представления о едином языке, стандарте, телеологические концепции развития человечества, общества и языка на основе теорий национализма и мифотворчества во многом наложили свой отпечаток на научное осмысление проблем, связанных с языком и его ингерентным свойством – вариативностью. Можно выделить две тактики в обращении с этим свойством – игнорирование или стигматизацию (представление о «порче» языка), – которые долгое время доминировали как в научном, так и профаном языковом сознании. Само многоязычие стигматизируется в Библии в мифе о Вавилонском столпотворении: оно является наказанием человечеству за гордыню и богоборчество. Неудивительно, если единый гомогенный язык – один для всех народов – олицетворял собой Золотой Век, приближение к языку Бога, а языковая унификация являла собой способ достижения этой высокой цели, способствуя обузданию языковой стихии и ее «окультуриванию» хотя бы на уровне ограниченного количества языков. Процесс стандартизации, проходивший через конфронтацию нескольких письменно-литературных традиций разных регионов немецкоязычного ареала друг с другом и с другими вариантами немецкого языка – диалектами в узком смысле этого слова, привел к созданию основ общенемецкого языкового стандарта, являющегося, согласно современной плюрицентрической концепции его возникновения, «в своей основе альянсом восточно-средне-немецкого и юго-восточного компонентов при участии почти всех значительных языковых ландшафтов» [3, с. 71]. Этот процесс растянулся на столетия и в качестве критериев его завершения называют кодификацию нормы на разных подуровнях языковой системы. Поскольку в XIX в. экономическое и политическое первенство в немецкоязычном ареале переходит к Пруссии, которая выступает локомотивом в процессе создания централизованного немецкого государства и определяет языковую политику, то языковой стандарт ассоциируется в сознании многих носителей немецкого языка именно с Пруссией и получает различные, порой очень полярные оценки в зависимости от места проживания носителей. С одной стороны, культивирующийся взгляд на язык Германии (прежде всего, той

части, которая отождествлялась с Пруссией) как самый правильный и настоящий немецкий язык, что питалось и продолжает подпитываться политическими и экономическими причинами. С другой стороны, отдельные голоса, типа К. Ф. Храуды с идеей «первородства» того варианта немецкого стандарта, который базируется на австрийско-баварской почве – почве старой австро-венгерской империи, или же, опять же, прежде всего в Австрии, для части носителей немецкого языка национальный вариант – символ национальной идентичности, и перенесение норм языкового стандарта Германии воспринимается как посягательство на национальный суверенитет. Поэтому вряд ли можно говорить о едином языковом стандарте на всем немецком языковом пространстве. Правда, как отмечает Л. М. Айхингер, перспективы создания общего языкового стандарта для всего немецкоязычного ареала существовали в 30-е гг. [4, с. 7]. Но намечавшееся сближение было прервано сначала политическими событиями, а затем дальнейшей дивергенции способствовало развитие средств массовой информации, что и определило самостоятельное, относительно автономное развитие национальных вариантов языкового стандарта немецкого языка. Таким образом, современный литературный немецкий язык реализуется, как минимум, в трех национальных вариантах – стандарте Германии (иногда называемом немецко-немецким), австрийском и швейцарском вариантах.

Все это не могло не отразиться на научной дискуссии о языковом стандарте, определяемом сегодня многими германистами в плане диатопической вариативности как плюрицентричный, плюринациональный и полиареальный (Мы взяли за основу терминологию, которую использует Л. М. Айхингер, поскольку в этом вопросе существует терминологическая разнобой. На этом вопросе мы здесь останавливаться не будем.) (см., например, [4]), а в плане диакризии характеризующийся отсутствием «достаточно отчетливого терминологического выражения и однозначной сущностной характеристики» [5, с. 59]. С началом активного изучения устной речи в 60-е гг. произошел отказ от характерного для структурализма подхода к языку как к гомогенной системе. Характеризуя ситуацию в германистике того переломного времени, нашедшую отражение в сборнике 1967–1968 гг. только что созданного в Мангейме Института немецкого языка „*Sprachnorm, Sprachpflege, Sprachkritik*“, Л. М. Айхингер подчеркивает отчуждение, которое вызывают сегодня те способы подачи и обсуждения сходной с современной тематики, и пишет: «Возможно, что эта партикулярная языковая картина мира с относительно строго отделенными друг от друга подсистемами в тех условиях вполне соответствовала поверхностным языковым явлениям. В центре находится отождествляемый с письменной формой языковой стандарт, воздействие (других разновидностей языка. – *ЛП*) служит его модификации, оценка этих языковых изменений различна» [6, с. 2–3]. Он приводит некоторые цитаты Г. Мозера, Й. Трира и Г. Штегера, в которых содержатся жалобы на «демократизацию» или «либерализацию» нормы, когда говорящий, ощущая себя «властелином языка» (*der Herr der Sprache* – Г. Мозер), произвольно трактует орфографическое или грамматическое правило и отступает от идеалов XIX в. (Г. Штегер). С другой стороны, там высказывается также уверенность в том, что «сегодня достигнута не только казавшаяся некогда недостижимой цель единого немецкого литературного языка, но и определенная языковая норма, базирующаяся на академической гуманитарно-гражданской традиции XIX в., утвер-

дилась в качестве «идеальной нормы» (цит. по [6, с. 3]). Современная же зарубежная германистика характеризуется довольно широким спектром взглядов на языковой стандарт, его природу. Среди наиболее дискутируемых сегодня в немецком языковедении проблем, связанных с языковым стандартом, можно обозначить следующие. **Во-первых**, проблема определения стандарта. **Во-вторых**, с проблемой определения стандарта теснейшим образом связана проблема вариативности, или, если брать оборотную сторону этого явления, проблема гомогенности, унификации. Поскольку стандарт предполагает образцовость, а (хороших) образцов много быть не может (?), то вопрос о вариативности приобретает конститутивный характер: сколько образцовых моделей (т.е. вариантов) можно допустить, чтобы стандарт оставался стандартом. Другой аспект данной проблемы включает в себя оценку варьируемых единиц как вполне приемлемых или, наоборот, как девиантных, что может повлечь за собой как стигматизацию этих структур, так и дискриминацию тех, кто эти единицы или структуры использует. **В-третьих**, вопрос о том, кто творит стандарт или имеет право определять, что относится к стандартной разновидности языка, а что подпадает под нестандартные формы («а судьи кто?») или кто / что является «гарантами стандарта» [7, с. 15]. **Четвертым** аспектом проблемы немецкого языкового стандарта является вопрос об устной форме стандарта, поскольку основу немецкого стандарта составляет письменная форма. **Пятый** аспект можно было бы обозначить как “*vox populi*”, поскольку в его рамках акцентируется вопрос о когнитивной репрезентации немецкого языка у его носителей. Как мы видим из представленных аспектов, все они теснейшим образом взаимосвязаны и составляют часть многогранной проблемы, именуемой «немецкий языковой стандарт». В зависимости от решения (или отклонения) выявленных проблем, лингвистическое сообщество делится на тех, кто является сторонниками идеи стандарта, на тех, кто считает само понятие стандарта идеологически вредным, и тех, кто пытается найти компромисс между этими полярными мнениями.

О том, что определение стандарта представляет терминологическую сложность, свидетельствует множественность терминов для обозначения этой разновидности немецкого языка. Сопоставление дефиниций этих терминов обнаруживает как лишь частичное совпадение их значений, так и противоречивость приводимых определений. Так, например, У. Аммон, признавая неоднозначность самого термина «стандартный язык», приводит следующие три его значения: синоним термина «стандартный вариант», обозначение совокупности национальных стандартов и «общий язык» во всей совокупности стандартных и нестандартных (*sic!*) форм (см. [8, с. 31]) (ср. также [7; 9, с. 31, 33–34]). Стандарт определяется либо перечислением приписываемых определяемому объекту свойств (дифференциальных признаков), либо по принципу *ex negativo* [10, с. 609f.; 11, с. 1]. Инвентарь возможных признаков (принимаемых или отрицаемых) достаточно обширен. Так, М. Конопка, проанализировав несколько наиболее важных работ по данной проблематике за период с 1980 по 2005 г., составил ранжированный список (цифры в скобках отражают степень репрезентивности того или иного признака в проанализированных источниках), включающий в себя 21 пункт: письменная форма (9), нормированность (8), (также) устная форма (6 (7)), кодифицированность (6), надрегиональность (6), признаваемый авторитетным (4), распространяемый средствами массовой информации/

органами власти/ учреждениями (4), преподаваемый в школе (4), вариативность (3), (социальный) престиж (3), официальный/ публичный/ административный (3), несомый образованными людьми (3), не диалектный (3), носители – средний и высший слои общества (2), (исторически) легитимный (2), обязательный для всех (2), не имеющий стратную или групповую специфику (2), охватывающий все регистры (1), возникший в результате селекции (1), функционально дифференцированный (1), ассоциируемый с нацией или национальностью (1) [12]. Как видим, отдельные критерии достаточно близки по своим значениям. В итоге их можно классифицировать по следующим параметрам: концептуальный (форма письменная/устная), узуальный, нормативный, социального и регионального распространения, ситуативный, социальный статус и образовательный уровень [12]. Истоки этих проблем кроются, на наш взгляд, в генезисе немецкого литературного стандарта, который в значительной мере обусловлен экстралингвистическими обстоятельствами его возникновения, развития и распространения. Долгое время сфера его применения ограничивалась письменной коммуникацией. Как отмечает В. Беш, достоинства письменного общения заключаются в преодолении языкового партикуляризма, решении проблемы многоязычия: «Какие бы функции такой письменный язык не брал на себя, будь то в письменной форме, где-то также и в устной форме, будь он близок к родному языку или чужд ему, даже будучи иностранным языком, он делает возможным взаимопонимание на больших расстояниях – то, чего устно коммуницирующие языковые сообщества никогда не смогут достичь. Письменный язык смягчает или даже взрывает пространственные узы человеческого говорения, он, если угодно, частично аннулирует Вавилонское столпотворение» [2, с. 5]. Х. Клосс, говоря о письменности, как одном из важнейших признаков аусбау-языка, отмечает, что не любой вид письменности может быть принят, а также отмечает историческую относительность данного признака: если для прежних эпох в качестве такового (эталона) выступал язык художественной литературы, то сегодня на передний план выходят коммуникативные функции языка, обеспечивающие передачу информации в самом широком смысле этого слова, и ведущей формой здесь выступают не литературные жанры, а деловая проза [13, с. 262–263]. Это затрагивает проблему «гарантов стандарта». Проблема научной дефиниции стандартной разновидности немецкого языка, которая представляет собой совокупность как минимум трех национальных и до сих пор не вполне ясного количества региональных вариантов, отражается как на определении интенционала, так и экстенционала этого понятия (см. [14, с. 29]). М. Конопка предлагает определять «немецкий языковой стандарт» только по экстенционалу (ср. [15]). Чаще всего, говоря о языковом стандарте, лингвисты характеризуют его как абстракцию, конструкт или виртуальную единицу, реализующуюся на практике в нескольких «аллостандартах», как мы это рискуем обозначить по аналогии с единицами языковых подсистем. Говоря о языковом стандарте как абстракции, идеале, В. П. Кляйн предостерегает от неправильного толкования абстрактного характера термина, справедливо указывая на то, что любое научное понятие неизбежно предполагает определенную степень абстракции, оно представляет собой не чувственно воспринимаемый предмет, а «абстракцию, которая в качестве научного объекта всегда обладает типичными идеальными чертами», реальность же которого закреплена в непосред-

ственной языковой практике [16, с. 18]. Причины недоразумений кроются в непонимании диалектики научного исследования, поэтому В. П. Кляйн призывает не смешивать дефиниционные и эмпирические характеристики объекта исследования [16, с. 18–19].

Что касается определения границ стандарта, то здесь следует отметить следующее. В плане социально-функциональной парадигмы страт «языковой стандарт» хотя и противопоставляется четко своему полюсу – диалекту, но, будучи плюрицентричным, не всегда позволяет правильно классифицировать отдельные языковые реалии, поскольку то, что является, например, в Германии безусловным компонентом диалектного страта, может приобрести в Австрии или Швейцарии статус языкового стандарта. Таким образом, внутренняя негомогенность самой стандартной разновидности является своеобразным «камнем преткновения» при определении немецкого языкового стандарта. Степень гомогенности немецкого литературного языка на разных уровнях его системы не одинакова, как неодинакова и его оценка. Так, лексикон, как отмечают многие исследователи, нормирован в ограниченном объеме (а перспективы его унификации вызывают у многих скепсис), что объясняется присущей этой подсистеме динамичностью и обуславливает отсутствие единых обозначений для ряда понятий и использование в этих целях территориальных дублетов, например, «мальчик» *Junge / Bube*, «мясник» *Schlächter / Fleischer / Metzger*, «сливки» *Sahne / Rahm / Obers / Schmant*, «суббота» *Sonnabend / Samstag*, «рубленая котлета» *Blutete / Frikadelle / Flaischlaibchen*, «подметать» *fegen / kehren*, «грабли» *Harke / Rechen* (ср. [4, с. 2; 17, с. 299; 18, с. 131] и многие другие).

Особенно же высокая степень вариативности наблюдается в произношении, регламентация которого приходится на конец XIX – начало XX в. По мнению Ю. Э. Шмидта, орфоэпическая норма немецкого языка складывается из двух составляющих – стандарта профессиональных ораторов (дикторов) и разговорного стандарта (Kolloquialstandard) – определенного аппроксимативного варианта произношения, когда так называемая «остаточная ареальность» уже не воспринимается носителями языка. Варианты же, отмеченные региональным акцентом, относятся Ю. Э. Шмидтом к бывшим орфоэпическим нормам стандартной разновидности [17, с. 302]. По его представлению, процесс кодификации произношения проходил в два этапа: первый связан с официальным утверждением орфоэпической нормы на рубеже XIX–XX вв., второй – кодификация «умеренного стандарта» – с созданием эмпирической базы посредством приближенного к идеалу произношения профессиональных дикторов, см. [17, с. 300]. Однако влияние средств массовой информации на формирование представлений о (не только произносительной) норме у широких слоев населения имеет две стороны: с одной – как мы видели выше – речь профессиональных дикторов, несущих кодифицированные образцы в массы, с другой – аутентичная речь представителей разных регионов, способствующая, по мнению Л. М. Айхингера, процессам стандартизации региональных вариантов и дестандартизации надрегиональной разновидности языка [4, с. 7]. Что же касается Австрии и Швейцарии, то там сложились свои произносительные нормы, которые, однако, до сих пор не кодифицированы [17, с. 300]. Что же касается такой подсистемы, как грамматика, то традиционно эта сфера относится к наименее подвижной и не обнаруживающей значительных – региональных или национальных (или лучше: горизонтальных и вертикальных / диато-

пических и диастратических) – альтернатив, см. [17, с. 299]. Однако языковые факты (см. также ниже мнение М. Конопки) способны несколько поколебать этот стереотип, ср. например, использование вспомогательных глаголов *haben* и *sein* при образовании сложных форм прошедшего времени глаголов *sitzen, liegen, stehen*). Также, например, последовательность внутри трехчленного глагольного комплекса с замещающим инфинитивом (*Ersatzinfinitiv, Infinitivus pro Participio*, далее *IPP*) имеет тенденцию к ареальной дифференциации. Так, последовательность 3-1-2 в подобных конструкциях, где цифрой 1 обозначается финитный – вспомогательный – глагол, цифрой 2 – *IPP*, а 3 – полноценный инфинитив, находится в процессе стандартизации, конкурируя с уже кодифицированной последовательностью 1-3-2, причем ареал ее распространения охватывает, согласно данным Ш. Эльшпаса и К. Нихауса, в южной Германии как на востоке, так на западе, в Австрии и Южном Тироле [19]. Отчасти они обнаруживают корреляции с дистрибуцией этой топологической модели в диалектном ландшафте указанных территорий, ср. [20, с. 118]. Нами зафиксирован пример использования указанной топологической модели в научном (sic!) лингвистическом (sic!) тексте:

Der von W. Kleiber/K. Kunze/H. Löffler erarbeitete „Historische Südwestliche Sprachatlas“ (1979) zeigt Möglichkeiten und Grenzen und zugleich den dafür erforderlichen großen Arbeitsaufwand, so daß ein angekündigter zweiter Band, der vor allem die Wortgeographie enthalten hätte sollen, nicht mehr zustande gekommen ist. [21, с. 25].

Полярность мнений относительно степени кодификации немецкого языкового стандарта демонстрируют следующие мнения. Так, П. Майтц и Ш. Эльшпас считают кодифицированными в немецком языке все четыре подсистемы – орфографию, произношение, лексику и грамматику [22, с. 38], в то время как М. Конопка утверждает: «В отличие от многих наивных представлений немецкий языковой стандарт (за исключением орфографии) эксплицитно нормирован лишь частично, особенно отсутствует какой-либо обязательный свод правил (Regelwerk), в котором бы была зафиксирована грамматика немецкого языкового стандарта. Она представляется протекающей без более или менее определенного плана и пронизана имплицитными нормами. Правда, эти нормы стараются реконструировать в таких книгах, как Грамматика Дуден (Дуден 2009) и тем самым кодифицировать их» [23].

Кроме двух полярных и, надо признать, также внутренне негомогенных стратов, какими являются стандарт и диалект, в Германии и Австрии (в немецкоязычной части Швейцарии языковая ситуация существенно отличается от того, что наблюдается в двух названных государствах) существует своеобразная буферная зона – обиходно-разговорный язык, который также внутренне стратифицирован, но достаточно нечетко. Отдельные его варианты могут стоять ближе к диалекту, другие – к стандарту, а также могут возникать третьи варианты, которые часто именуются региолектами, с трудно идентифицируемыми признаками и границами распространения. Все три страта флуктуируют, границы между ними достаточно зыбки, они образуют своеобразный континуум (ср. [14, с. 19]). Конечно, следует различать достаточно стабильное ядро и маргинальные зоны, подверженные флуктуации. Но современные процессы стандартизации и дестандартизации (эпоха «пост-стандартности» – Л. М. Айхингер), происходящие в немецком языке, создают впечатление нестабильности и зыбкости, ср.: «Триада *стандарт* –

субстандарт или *обиходно-разговорный язык* – *нон-стандарт* или *диалект* хотя и вносит некоторый порядок в джунгли понятий, но границы между ними все еще нечетки, а иногда кажутся прямо-таки произвольными» [7, с. 18]. Как отмечает А. Ламели, из эмпирической проблемы возникает терминологическая [24, с. 387]. Причины видят в том, что письменный язык начинает использоваться в устной речи (устная реализация письменного языка), ср. [24, с. 386] и др. Не случайно, что со стороны Института немецкого языка в Мангейме можно констатировать стремление уйти от «ультимативного» определения языкового стандарта. Как капитуляция перед мощью языковой реальностью звучат слова М. Конопки: «Что такое, собственно говоря, немецкий языковой стандарт, остается трудным для понимания и едва ли обозримым» [23]. Как видим, немецкий языковой ландшафт настолько разнообразен, что до сих пор попытки дать какую-либо удовлетворительную классификацию его вариантов так и не увенчались успехом.

Само отношение к стандарту характеризуется противоречивостью. С одной стороны, он способствует преодолению языкового сепаратизма. С другой, как инструмент языковой политики он приобретает чисто идеологическое значение и может получать отрицательную оценку. Это демонстрируют П. Майтц и Ш. Эльшпас, которые считают, что идеология, которую репрезентируют понятия гомогенности и стандартизации, входит в противоречие с языковой политикой ЕС, нацеленной на плюрализм [22, с. 36]. Они подчеркивают, что в несимметричных коммуникативных ситуациях (экзамен, собеседование) эта идеология может привести к языковой стигматизации, и даже дискриминации [22, с. 43]. А последствия введения стандарта в сферу устной коммуникации вообще оцениваются ими как глоттофагия [22, с. 39].

Восприятие языковой ситуации и отношение к концепции как общенемецкой, так и представленного национальными вариантами языкового стандарта, в сознании носителей языка, особенности их категоризации можно охарактеризовать как по степени языковой компетенции, так и с точки зрения престижности, а также статуса того или иного варианта. Что касается языковой компетенции носителей немецкого языка, то она значительно расширилась за счет средств массовой коммуникации, в первую очередь, мультимедийных. Благодаря присутствию в медийном пространстве регионально окрашенной речи, носители немецкого языка разных регионов немецкоязычного ареала получили возможность и более адекватно идентифицировать региональные особенности, и расширять свои знания в области стандарта. Но с другой стороны, как мы отмечали выше, это способствует процессам стандартизации и дестандартизации. Кроме того, общественное языковое сознание сильно отличается от научного взгляда на языковую норму. Понятие нормы имеет две стороны, которые манифестируются двумя классами – целевыми и узальными нормами (*Ziel- und Gebrauchsnormen*). Как отмечает М. Хенниг, современная лингвистика вследствие дескриптивного характера избрала своим предметом узальную норму, в то время как для языковой общественности приоритет имеют целевые нормы, предполагающие прескриптивность и обязательность [25, с. 28]. Следствием такого разрыва между научным и ненаучным представлениями о норме – «дилеммы нормативности» (М. Хенниг) – является стигматизация вариативности языковой общественностью, представления о ней как о «порче языка», увлечение «лжепророками» типа Бастиана Зикка, ср.

[25, с. 15, 30 и далее]. Это не может не отражаться на оценке как собственного, так и другого национального варианта. Так, например, среди многих немцев бытует мнение, что Австрия – это что-то вроде Баварии (см. [26, с. 72]), а австрийский национальный вариант немецкого языка (как, впрочем, и швейцарского) воспринимается ими как диалект (ср. [8, с. 29], а также [9]), что, впрочем, отчасти можно объяснить тем, что отдельные языковые единицы в Германии имеют статус диалектных, а, например, в Австрии относятся к национальному стандарту. Австрицизмы, по свидетельству М. Викки, обладают характером национальных символов, и традиция оберегать особенности своего национального варианта от заимствований из стандарта своего «большого соседа» существует уже несколько десятилетий [27, с. 50]. Поскольку национальные варианты являются в Австрии существенным элементом идентификации со страной (ср. [9, с. 31]), то многие австрийцы стараются также с помощью языка выразить автономность своей нации [27, с. 50]. В целом же восприятие статуса австрийского национального варианта обнаруживает спектр мнений между двумя полюсами – от К. Ф. Храуды до воззрений приверженцев Австрийской партии свободы.

В Швейцарии ситуация отличается от австрийской: гельветизмы, например, не играют здесь роли национальных символов, самобытность и единство германо-швейцарцев в языковом плане манифестируется с помощью диалекта [27, с. 50]. Что касается швейцарского национального варианта, то отношение к нему хорошо характеризуют следующие цитаты: так, У. Аммон отмечает, что «немецкий языковой стандарт – это маргинальное явление, в глазах немало числа немецкоязычных швейцарцев даже иностранный язык. То, что существует специфический языковой стандарт Швейцарии – 'швейцарский национальный вариант' – почти неизвестно» [28, с. 7]. Ему вторит М. Викки: «Вопрос о том, существует ли швейцарский вариант немецкого языкового стандарта, зависит, в конечном счете, от того, кому он задается: лингвист не сомневается в существовании швейцарского варианта немецкого стандарта, большинство дилетантов (Laien) напротив, будет, вероятно, отрицать его наличие. Даже если лингвистика исходит из плюрицентричного языкового стандарта с равноправными вариантами внутри немецкоязычного ареала, это понимание еще не достигло голов пользователей языка» [27, с. 53]. Интересную картину дают результаты некоторых опросов. Так, с одной стороны, германо-швейцарцы часто негативно относятся к немцам – жителям «большого кантона» – что объясняется как событиями Второй мировой войны, так и ведущей ролью Германии в объединении Европы (см. [29, с. 17–18]), отрицательным можно назвать и отношение к австрийцам (см. [30, с. 85]). Однако примечательно, что негативное отношение к немцам не обнаруживает корреляций с отношением к немецкому языковому стандарту. В представлении швейцарцев существует единый немецкий литературный язык, которым необходимо овладеть, см. [27, с. 51]. То, что называется швейцарским национальным вариантом не просто плохо известно, как на это указывает У. Аммон в вышеприведенной цитате, но и, как показало эмпирическое исследование И. Шарлота, часто оценивается как плохой, девиантный язык (см. [30, с. 87, 90]). При этом, правда, в центре внимания оказались, на наш взгляд, преимущественно орфоэпические особенности, поскольку респондентам предъявляли аудиоматериал. Зато немецко-немецкий вариант языкового стандарта пользуется престижем, но негатив

накладывается из-за затруднений, которые возникают у швейцарцев при разговоре с немцами, поскольку немецкоязычные жители Швейцарской конфедерации испытывают определенный комплекс относительно не очень хорошего уровня владения этой разновидностью (ср. [27, с. 52]). Дополняют картину и результаты исследования Р. Шмидлин: так, на вопрос, о том, где же говорят на самом хорошем немецком, большинство опрошенных назвали Северную Германию (44%) и просто Германию (22%), причем 71.4%, давших такие ответы, составляют швейцарцы, австрийцы же представлены здесь 40.7% [14, с. 270].

Однако нельзя сказать, что сами немцы свободны от проблем со стандартом, который на протяжении многих десятилетий, вплоть до 70-х гг. прошлого века, считался единственным и единым для всего немецкоязычного ареала образцом. Не случайно мы упоминали выше так называемые региональные стандарты, существование которых обособливается, в первую очередь, существованием дихотомии «север»-«юг», границы которой совпадают, с одной стороны, с диалектным членением Германии, а с другой – со сферами политического и культурного влияния эпохи раннего Нового времени (на юге сказало влияние Австрийской империи, на севере – Пруссии), что определило также особенности становления и развития региональных письменно-литературных форм немецкого языка, а также языкового стандарта с преобладанием нижне-немецких свойств (ср. [4, с. 2, 4–5]). Кроме того, оба субареала обнаруживают разную степень дальнейшей дифференциации. Проиллюстрировать это можно с помощью примера, приводимого в [22, с. 43]: учительница начальной школы в Вестфалии объясняла переехавшему сюда из юго-западной Германии ученику, что слово «Pflaster» должно произноситься не [ˈpflaʃtər], а [ˈflastɐ] (норма: [ˈpflastɐ]).

К сожалению, в силу дефицита места за рамками статьи остались еще многие проблемы, связанные с немецким языковым стандартом. Подводя итоги тому, что удалось хотя бы частично осветить в данном фрагменте исследования, считаем необходимым констатировать следующее:

1. Как экстралингвистические факторы, обусловившие происходящие в современном немецком языке изменения, так и смена научной парадигмы в германистике – переход от моноцентрического взгляда на стандарт к плюрицентрическому, явились, на наш взгляд, причинами (временных?) проблем с дефиницией данного понятия, определения его содержательных границ.

2. Спиралевидное развитие и взаимодействие противоположных тенденций в становлении немецкого языка проявляются в процессах стандартизации и дестандартизации. Складывается впечатление, что происходит как бы возврат к прежнему состоянию – усиление региональных тенденций ведет к формированию региональных стандартов, но на самом деле не к возврату прежних региональных норм, а к формированию новых. Говоря о причинах роста влияния региональных центров, Л. М. Айхингер справедливо указывает на роль, с одной стороны, истории XX в., когда отдельные Германии немецкоязычные страны пытались дистанцироваться от своего соседа (ср. [4, с. 8]). С другой стороны, мощный фактор – средства массовой информации, в первую очередь мультимедийные, которые выступают в двойной роли: как проводники стандартных форм (произношение, грамматика) и как средство дестабилизации – расшатывают или расширяют

(зависит от негативной или позитивной оценки происходящих процессов) представления о норме, о стандарте, ср. [4, с. 7; 24, с. 394]), стимулируют процессы конвергенции и дивергенции. Приведут ли эти процессы к изменениям в статусе национальных вариантов немецкого языка и в структуре как немецкоязычного ареала в целом, так и отдельных субареалов, судить сложно. Во всяком случае нельзя не согласиться с Л. М. Айхингером в том, что «пока еще трудно строить прогнозы относительно того, будут ли возникать и в каком масштабе новые ареалы и насколько они будут совпадать с историческими и политическими регионами, о которых традиционно ведется речь» [4, с. 8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Reichmann O. Die Entstehung der neuhochdeutschen Schriftsprache: Wo bleiben die Regionen? // Die deutsche Schriftsprache und die Regionen. Hrsg. R. Berthele, H. Christen, S. Germann, I. Hove. Entstehungsgeschichtliche Fragen in neuer Sicht. Berlin, New-York: Walter de Gruyter, 2003. S. 29–56.
2. Besch W. Die Regionen und die deutsche Schriftsprache. Konvergenzfördernde und konvergenzhindernde Faktoren – Versuch einer forschungsgeschichtlichen Zwischenbilanz // Die deutsche Schriftsprache und die Regionen. Hrsg. R. Berthele, H. Christen, S. Germann, I. Hove. Entstehungsgeschichtliche Fragen in neuer Sicht. Berlin, New-York: Walter de Gruyter, 2003. S. 5–28.
3. Дубинин С. И. Юго-западный письменно-литературный узус позднего средневековья в метаязыковых оценках современников // Аспекты становления и функционирования западногерманских языков: Международный межвузовский сборник научных статей. Самара: изд-во «Самарский университет», 2003. С. 71–83.
4. Eichinger, Ludwig M.: Das Deutsche als plurizentrische Sprache betrachtet // Dokumentation der EFNIL Jahrestagung Madrid 2006. URL: http://www.efnil.org/conferences/archives/madrid-2006/papers/06-EFNIL-Madrid-Eichinger-NewVersion.pdf/at_download/file
5. Семенов Н. Н. Из истории функционально-стилистической дифференциации немецкого литературного языка. М.: Наука, 1972. 214 с.
6. Eichinger L. M. Wer fest steht, kann sich frei bewegen – Freiheit im Rahmen standardsprachlicher Normen // Standardvariation. Wie viel Variation verträgt die deutsche Sprache? von Institut für Deutsch Sprache. Jahrbuch 2004. Hg. L. M. Eichinger, W. Kallmeyer. Berlin: W. de Gruyter, 2005. S. 1–6.
7. Löffler H. Wieviel Variation verträgt die deutsche Standardsprache. Begriffserklärung: Standard und Gegenbegriffe // Standardvariation. Wie viel Variation verträgt die deutsche Sprache? von Institut für Deutsch Sprache. Jahrbuch 2004. Hg. L.M. Eichinger, W. Kallmeyer. Berlin: W. de Gruyter, 2005. S. 7–27.
8. Ammon U. Standard und Variation: Norm, Autorität, Legitimation // Standardvariation. Wie viel Variation verträgt die deutsche Sprache? von Institut für Deutsch Sprache. Jahrbuch 2004. Hg. L. M. Eichinger, W. Kallmeyer. Berlin: W. de Gruyter, 2005. S. 28–40.
9. Utri R. Standardsprache und Plurizentrik – am Beispiel des Österreichischen Deutsch // Zeitschrift des Verbandes polnischer Germanisten. 2013. H. 2/1. S. 29–42.
10. Glinz H. Deutsche Standardsprache der Gegenwart // Althaus, () : Lexikon der Germanistischen Linguistik. Hg. H. Peter, H. Henne, H. E. Wiegand. 2. Aufl. Tübingen: Niemeyer, 1980. S. 609–619.
11. Hagemann J., Klein P. W., Staffeldt S. Pragmatischer Standard – eine Annäherung // Pragmatischer Standard. Hrsg. J. Hagemann, P. W. Klein, S. Staffeldt Tübingen: Stauffenburg Verlag Brigitte Narr GmbH, 2013. S. 1–14.
12. Konopka M. Was sind standarddeutsche Texte? URL: http://hypermedia.ids-mannheim.de/call/public/korpus.ansicht?v_id=4748
13. Kloss H. Die deutsche Sprache im Kreise der nahverwandten Sprachen und Nebensprachen // Sprache und Gesellschaft: Beiträge zur soziolinguistischen Beschreibung der deutschen Gegenwartssprache: Jahrbuch 1970. Düsseldorf: Schwann, 1971. S. 258–278.
14. Schmidlin R. Die Vielfalt des Deutschen: Standard und Variation: Gebrauch, Einschätzung und Kodifizierung einer plurizentrischen Sprache. Berlin/Boston: Walter de Gruyter, 2011. 347 S.
15. Konopka M. Standarddeutsch? Kaum zu fassen! URL: http://hypermedia.ids-mannheim.de/call/public/korpus.ansicht?v_id=4741
16. Klein P. W. Warum brauchen wir einen klaren Begriff von Standardsprachlichkeit und wie könnte er gefasst werden? // Pragmatischer Standard. Hrsg. J. Hagemann, P. W. Klein S. Staffeldt. Tübingen: Stauffenburg Verlag Brigitte Narr GmbH, 2013. S. 15–34.
17. Schmidt J. E. Die deutsche Standardsprache: Eine Varietät, aber 3 Oralisierungsnormen // Standardvarietät: Wie viel Variation verträgt die deutsche Sprache? Hrsg. Eichinger L. M., Kallmeyer W. B.: Walter de Gruyter, 2005. S. 334–349.
18. Polenz P. von. Geschichte der deutschen Sprache. 10., völlig neu bearbeitete Auflage von N. R. Wolf. Berlin/New York: Walter de Gruyter, 2009. 224 S.
19. Elspaß St., Niehaus K. Exploring the standardization of a modern pluriareal language. Proposals for the use of newspaper texts in historical linguistics // 25th Scandinavian Conference of Linguistics University of Iceland, Reykjavik, May 13–15, 2013. URL: <http://conference.hi.is/sc125/call-for-papers/>
20. Dubenion-Smith Sh. A.: Verbal complex phenomena in the West Central German dialects (dissertation). University of Wisconsin-Madison, 2008. 290 p.
21. Wiesinger P. Die deutsche Dialektologie zwischen Tradition und Neansätzen // Die deutsche Dialektologie zwischen Tradition und Neansätzen. Beiträge der Internationalen Dialektologentagung, Göttingen, 19.-21. Oktober 1998. Hg. D. Stellmacher. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2000. S. 15–32.
22. Maitz P., Elspaß, S. Zur Ideologie des „Gesprochenen Standarddeutsch“ // Pragmatischer Standard. Hrsg. Hagemann J., Klein P. W., S. Staffeldt. Tübingen: Stauffenburg Verlag Brigitte Narr GmbH, 2013. S. 35–48.
23. Konopka M. Was ist Standarddeutsch? URL: http://hypermedia.ids-mannheim.de/call/public/korpus.ansicht?v_id=4742
24. Lameli A. Deutsch in Deutschland: Standard, regionale und dialektale Variation // Deutsch als Fremd- und Zweitsprache. Hrsg. H.-J. Krumm, Ch. Fandrych, B. Hufeisen, C. Riemer. 1. Halbband. Berlin/New York: Walter de Gruyter, 2010. S. 385–398.
25. Hennig M. Wie viel Varianz verträgt die Norm? Grammatische Zweifelsfälle als Prüfstein für Fragen der Normenbildung // Wie normal ist die Norm? Sprachliche Normen im Spannungsfeld von Sprachwissenschaft, Sprachöffentlichkeit und Sprachdidaktik. Hrsg. Hennig M., Müller, Chr. Kassel: kassel university press GmbH, 2009. S. 14–38.
26. Lutterbeck C. Schlawiner mit Seele // STERN. 1995. H. 40. S. 72–88.
27. Wicki M. Gibt es ein Schweizer Standarddeutsch? Pro und Contra // Germanistik in der Schweiz. Zeitschrift der Schweizerischen Akademischer Gesellschaft für Germanistik. 2012. Heft 9. S. 35–56.
28. Ammon U. Geleitwort: Warum ein Buch über das Schweizer Deutsch wichtig ist? // Schweizer Standarddeutsch: Beiträge zur Varietätenlinguistik. Hrsg. Dürscheid, Chr., Businger, M. Tübingen: Narr-Verlag, 2006. S. 7–8.
29. Siebenhaar B., Wyler A. Dialekt und Hochsprache in der deutschsprachigen Schweiz. 5., vollständig überarbeitete Auflage. Zürich: Edition "Pro Helvetia", 1997. 46 S.
30. Scharloth J. Schweizer Hochdeutsch – schlechtes Hochdeutsch? // Schweizer Standarddeutsch. Hgg. Dürscheid, Chr./Businger, M. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2006. S. 81–96.

Поступила в редакцию 18.08.2015 г.

ON SOME ASPECTS OF THE DISCUSSION ABOUT THE GERMAN LANGUAGE STANDARDS IN MODERN FOREIGN GERMAN STUDIES

© G. F. Pozderova

Bashkir State University

32 Zaki Validi St., 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.

Phone: +7 (347) 228 07 84.

Email: gfpozderova@yandex.ru

This article highlights some aspects of the contemporary debate about the German language standard in modern German studies abroad. An important feature of this debate is the presence of polar points of view on the concept of “language standard” and a mixed assessment of the degree of standardization of the German language and its genesis. The reasons for the situation described by the author are divided into two groups: on the one hand, having the sociolinguistic character, and on the other, caused by the change of scientific paradigm in linguistics. In the first case, it concerns a complex linguistic situation in the German area, which is characterized by a high degree of variability and high speed dynamics observed here processes of standardization and destandardization. The desire to make sense of a new Germanic linguistic situation poses several challenges to the theoretical and empirical nature, and the need for revision of traditional views on contemporary German language standard.

Keywords: *German, diatopic, diastratic, varieties of German language, language standard, national varieties of German.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Reichmann O. Die deutsche Schriftsprache und die Regionen. Hrsg. R. Berthele, H. Christen, S. Germann, I. Hove. Entstehungsgeschichtliche Fragen in neuer Sicht. Berlin, New-York: Walter de Gruyter, 2003. Pp. 29–56.
2. Besch W. Die deutsche Schriftsprache und die Regionen. Hrsg. R. Berthele, H. Christen, S. Germann, I. Hove. Entstehungsgeschichtliche Fragen in neuer Sicht. Berlin, New-York: Walter de Gruyter, 2003. Pp. 5–28.
3. Dubinin S. I. Aspekty stanovleniya i funkcionirovaniya zapadnogermanskikh yazykov: Mezhdunarodnyi mezhvuzovskii sbornik nauchnykh statei. Samara: izd-vo «Samarskii universitet», 2003. Pp. 71–83.
4. Eichinger, Ludwig Moscow: Das Deutsche als plurizentrische Sprache betrachtet. Dokumentation der EFNIL Jahrestagung Madrid 2006. URL: http://www.efnil.org/conferences/archives/madrid-2006/papers/06-EFNIL-Madrid-Eichinger-NewVersion.pdf/at_download/file
5. Semenyuk N. N. Iz istorii funktsional'no-stilisticheskoi differentsiatsii nemetskogo literaturnogo yazyka [From the history of functional-stylistic differentiation of German literary language]. Moscow: Nauka, 1972.
6. Eichinger L. M. Standardvariation. Wie viel Variation verträgt die deutsche Sprache? von Institut für Deutsch Sprache. Jahrbuch 2004. Hg. L. M. Eichinger, W. Kallmeyer. Berlin: W. de Gruyter, 2005. Pp. 1–6.
7. Löffler H. Standardvariation. Wie viel Variation verträgt die deutsche Sprache? von Institut für Deutsch Sprache. Jahrbuch 2004. Hg. L.M. Eichinger, W. Kallmeyer. Berlin: W. de Gruyter, 2005. Pp. 7–27.
8. Ammon U. Standardvariation. Wie viel Variation verträgt die deutsche Sprache? von Institut für Deutsch Sprache. Jahrbuch 2004. Hg. L. M. Eichinger, W. Kallmeyer. Berlin: W. de Gruyter, 2005. Pp. 28–40.
9. Utri R. Zeitschrift des Verbandes polnischer Germanisten. 2013. H. 2/1. Pp. 29–42.
10. Glinz H. Althaus, (). Lexikon der Germanistischen Linguistik. Hg. H. Peter, H. Henne, H. E. Wiegand. 2. Aufl. Tübingen: Niemeyer, 1980. Pp. 609–619.
11. Hagemann J., Klein P. W., Staffeldt S. Pragmatischer Standard. Hrsg. J. Hagemann, P. W. Klein, S. Staffeldt Tübingen: Stauffenburg Verlag Brigitte Narr GmbH, 2013. Pp. 1–14.
12. Konopka M. Was sind standarddeutsche Texte? URL: http://hypermedia.ids-mannheim.de/call/public/korpus.ansicht?v_id=4748
13. Kloss H. Sprache und Gesellschaft: Beiträge zur soziolinguistischen Beschreibung der deutschen Gegenwartssprache: Jahrbuch 1970. Düsseldorf: Schwann, 1971. Pp. 258–278.
14. Schmidlin R. Die Vielfalt des Deutschen: Standard und Variation: Gebrauch, Einschätzung und Kodifizierung einer plurizentrischen Sprache. Berlin/Boston: Walter de Gruyter, 2011. 347 S.
15. Konopka M. Standarddeutsch? Kaum zu fassen! URL: http://hypermedia.ids-mannheim.de/call/public/korpus.ansicht?v_id=4741
16. Klein P. W. Pragmatischer Standard. Hrsg. J. Hagemann, P. W. Klein S. Staffeldt. Tübingen: Stauffenburg Verlag Brigitte Narr GmbH, 2013. Pp. 15–34.
17. Schmidt J. E. Standardvarietät: Wie viel Variation verträgt die deutsche Sprache? Hrsg. Eichinger L. M., Kallmeyer W. B.: Walter de Gruyter, 2005. Pp. 334–349.
18. Polenz P. von. Geschichte der deutschen Sprache. 10., völlig neu bearbeitete Auflage von N. R. Wolf. Berlin/New York: Walter de Gruyter, 2009. 224 S.
19. Elspaß St., Niehaus K. Exploring the standardization of a modern pluriareal language. Proposals for the use of newspaper texts in historical linguistics. 25th Scandinavian Conference of Linguistics University of Iceland, Reykjavik, May 13–15, 2013. URL: <http://conference.hi.is/sci25/call-for-papers/>
20. Dubenion-Smith Sh. A.: Verbal complex phenomena in the West Central German dialects (dissertation). University of Wisconsin-Madison, 2008.
21. Wiesinger P. Die deutsche Dialektologie zwischen Tradition und Neuansätzen. Beiträge der Internationalen Dialektologentagung, Göttingen, 19.–21. Oktober 1998. Hg. D. Stellmacher. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2000. Pp. 15–32.
22. Maitz P., Elspaß, S. Pragmatischer Standard. Hrsg. Hagemann J., Klein P. W., S. Staffeldt. Tübingen: Stauffenburg Verlag Brigitte Narr GmbH, 2013. Pp. 35–48.
23. Konopka M. Was ist Standarddeutsch? URL: http://hypermedia.ids-mannheim.de/call/public/korpus.ansicht?v_id=4742
24. Lameli A. Deutsch als Fremd- und Zweitsprache. Hrsg. H.-J. Krumm, Ch. Fandrych, B. Hufeisen, C. Riemer. 1. Halbband. Berlin/New York: Walter de Gruyter, 2010. Pp. 385–398.

25. Hennig M. Wie normal ist die Norm? Sprachliche Normen im Spannungsfeld von Sprachwissenschaft, Sprachöffentlichkeit und Sprachdidaktik. Hrsg. Hennig M., Müller, Chr. Kassel: kassel university press GmbH, 2009. Pp. 14–38.
26. Lutterbeck C. STERN. 1995. H. 40. Pp. 72–88.
27. Wicki M. Germanistik in der Schweiz. Zeitschrift der Schweizerischen Akademischer Gesellschaft für Germanistik. 2012. Heft 9. Pp. 35–56.
28. Ammon U. Schweizer Standarddeutsch: Beiträge zur Varietätenlinguistik. Hrsg. Dürscheid, Chr., Businger, M. Tübingen: Narr-Verlag, 2006. Pp. 7–8.
29. Siebenhaar B., Wyler A. Dialekt und Hochsprache in der deutschsprachigen Schweiz. 5., vollständig überarbeitete Auflage. Zürich: Edition "Pro Helvetia", 1997. 46 S.
30. Scharloth J. Schweizer Standarddeutsch. Hgg. Dürscheid, Chr./Businger, M. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 2006. Pp. 81–96.

Received 18.08.2015.